

Cooke J.P. The Credentials of Science. The Warrant of Faith. New York: Robert Carter and Brothers, 1888. 346 p.

Jeans J.H. Physics and Philosophy. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. 234 p.

Kreisel G. Comment on Zinoviev's Paper // Logique et Analyse. 1979. Vol.22. No. 87. P. 263-264.

Lee O.H. Philosophy and Science // Philosophy of Science. 1940. Vol.7 (1). P. 7-17.

А.М. Зотов

врач-психотерапевт, главный врач медицинского центра «София»,
аспирант кафедры философии,

Самарский национальный исследовательский

университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия.

E-mail: am-zotov@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7427-3402/>

Контакт с Океаном Соляриса, или «ожидание чудес» как часть исследовательской стратегии

Аннотация: Вот уже более шестидесяти лет земляне своими текстами и гипотезами продолжают пополнять библиотеку соляристики. Хотя уже во времена прилета К. Кельвина на орбитальную станцию материалов накопилось так много, а науки о планете-океане стали столь дифференцированными, что возник печальный и логичный вопрос, выраженный одним из ученых: «Как мы можем понять Солярис, если мы не можем понять друг друга?!». Массовый интерес иссяк, а экспедиции сократились до орбитальной станции с тремя специалистами. В помощь к ним откомандирован психолог, который в своих расследованиях событий на станции, подобно Эдипу, приходит к самому себе. Оказывается, что все эксперименты по исследованию Океана необходимо отложить и заняться делами личными и столь насущными, как обстоятельства неодолимой силы. Оптика ученого разворачивается вглубь него самого. Можно сказать, что Кельвин проходит личную терапию, лежа на кушетке психоаналитика, роль которого выполняет Океан. Но видеть в романе только это – значит быть в нарциссическом самосозерцании, на что регулярно указывает сам Лем в своем творчестве. Почему в деле налаживания Kontakta Кельвин продвинулся дальше коллег? Являет ли Кельвин собой пример того, что прежде чем исследовать внешнее, ученому необходимо разобраться с внутренним? Иначе, будучи слеп к своим Гостям, он не сможет проникнуть глубже поверхности? Таким образом, можно рассмотреть эволюцию Кельвина на станции как движение сквозь личностные слои, орбиты к обретению профессионального зрения, адекватного поставленной задаче по налаживанию Kontakta с Океаном.

Ключевые слова: соляристика, уровни личностной организации, типы социальных отношений, Эдип, Нарцисс, Прометей.

«Приветствую вас, коллеги, на орбитальной станции планеты Солярис», – такое стартовое обращение к присутствующим на конференции с названием «Лемовские чтения» больше всего подходит для докладчика в позиции включенного наблюдателя, исследователя процессов, происходящих на Солярисе и отраженных в одноименном романе С. Лема.

Самонаблюдение – вот важнейшая часть исследовательской стратегии, которую выбрал, а, точнее, вынужден был выбрать Крис Кельвин, главный герой романа, что ключевым образом дополнило его аналитико-синтетическую работу на станции. Выбирая

этот же метод – самонаблюдения – в статье, можно начать с двух вопросов, определяющих дальнейшие размышления.

Первый. «Насколько я чувствую, представляю, ощущаю себя обитателем станции? То есть, насколько я включен в происходящие там события, насколько взволнован, взбудоражен, заинтригован, напуган и так далее?». О своей включенности, безусловно, можно сказать, обратив внимание на текущее наличие чувств и переживаний. Такая включенность является важным фактором для понимания развернувшихся в романе процессов.

Второй вопрос, вытекающий из первого. «Если я на орбите, на станции, то какой гость/гости, явились бы ко мне?». Этот вопрос с одной стороны фантазиен, ибо трудно предположить, кто это мог бы быть. Поскольку информация об этом лежит в области «слепого пятна» психического аппарата, инкапсулирована, находится в неосознаваемой зоне. А с другой стороны, это вполне реалистичный вопрос, поскольку встречаться с гостями других людей, исследовать содержимое «слепых пятен» – ежедневная работа врача-психотерапевта, психолога. В связи с этим, идентифицировать себя с Крисом Кельвином, психологом, прилетевшим на станцию в начале романа, врачу-психотерапевту проще и привычнее.

Кельвин прибыл на станцию исследователем, соляристом. И в буквальном смысле сразу погрузился в научную проблематику. Сам стал частью нее. «Запуская» главного героя на станцию, Лем ставит важнейшие вопросы: «Как оптика ученого влияет на исследуемый объект? Как она настраивается и искажается текущим моментом и событиями, в которые ученый жизненно включен? Как далеко в своих исследованиях ученый может пойти, будучи вовлеченным в исследуемый процесс? Причем эта вовлеченность бесконтрольна, постыдна, а потому пугающая».

Готовый «разбираться» с Океаном Соляриса, Кельвин вынужден начать разбираться с собой. С событиями далекого прошлого и одновременно захватившего все мысли и чувства настоящего. Гостьей Кельвина становится Хэри, его супруга, молодая женщина, покончившая с собой много лет назад. В материальном воплощении, созданная Океаном, а точнее воссозданная Океаном по «чертежам» воспоминаний Криса, Хэри вносит с собой в текущий момент Кельвина те чувства и мысли, о которых он хотел бы забыть и от которых он хотел бы избавиться. Что, собственно, он и демонстрирует в начале, например, отправляя Хэри со станции в ракету.

Практически с самого начала контакта с Хэри Кельвину приходится существовать в эмоционально нагруженном состоянии, постоянно тестируя реальность. И постоянно иметь в виду, что Хэри одновременно и та, которую он знал, и не та. Психолог сказал бы, что Кельвин раздвоен в своем восприятии и действиях, расщеплен.

Вообще, роман Лема является очень благоприятной средой для исследования происходящих процессов с помощью психологического, психоаналитического языка. Поскольку важным является не анализ состояния Кельвина сквозь призму медицинских критериев с целью постановки диагноза, стоит обозначить, что его меняющееся состояние на протяжении всего романа кардинальным образом сказывается на тех исследовательских ходах, которые он выбирает. Если в рассуждениях идти от личностной структуры, то вслед за О. Кернбергом (Кернберг 2000), можно сказать, что Кельвин попеременно функционирует в трех вариантах. Его личность структурно как бы «пересобирается».

Коротко отметим, что О. Кернберг выделяет три критерия для определения уровня организации личности:

- степень интеграции идентичности;
- используемые механизмы защиты;
- способность к тестированию реальности.

Первый уровень, если ранжировать от менее нарушенного к более нарушенному, – невротический. Хэри является главным персонажем разыгрывающегося (а на самом деле,

получившего мощное продолжение) внутреннего конфликта. Особенностью данного уровня функционирования является столкновение различных внутриличностных рассогласованных структур, репрезентаций. Говоря бытовым языком, Кельвин сталкивается с муками совести. С осознанием неправильности и необратимости собственных действий. Душа его оказывается вывернутой наизнанку. Происходящее внутри во-плотилось (приобрело плоть, звук, запах, вид). Динамика действий Кельвина определена его вовлеченностью в отношения, выяснением этих отношений, любовью и ненавистью. При этом Кельвин сохраняет целостность «Я» и способен тестировать реальность (что он и делает, производя математические расчеты), продвигаться в исследованиях, строить доверительный контакты со Снаутом, с Сарториусом.

Периодически Кельвин функционирует как человек с пограничной организацией. Он расщеплен. Он с трудом определяет, где реальность, а где вымысел. Он смешивает события давно минувшие и настоящие. Отношения с Хэри на станции становятся для него продолжением тех, давно минувших отношений. Поэтому гостя Хэри воспринимается всерьез, и отношения с ней становятся разыгрыванием вовне событий, желаний и опасений внутреннего мира Кельвина.

Наиболее нарушенным уровнем организации и функционирования Кельвина является психотический уровень. Это уровень наиболее выраженной дезинтеграции. Кельвин теряет в тестировании реальности, не способен определить, где сон и явь. Ярким примером такого функционирования является разговор с профессором Гибаряном, пробуждение из сна в сон, сбивчивые определения присутствия или отсутствия Хэри в комнате. В эти периоды Кельвину сложно чувствовать себя отдельной самостоятельной личностью. Он переживает себя частью среды, Океана, совместной с Хэри общностью.

Сделаем еще раз акцент на том, что данное описание динамики, функционирования Кельвина в различных личностных регистрах интересно не с позиции психопатологии, и не с позиции отношений психоаналитика и анализанта. Проходя сквозь столь широкий спектр личностных трансформаций, Крис Кельвин между тем сохраняется как исследователь, проявляя гибкость и способность выдерживать эту турбулентность. В отличие, например, от того же профессора Гибаряна, покончившего жизнь самоубийством на станции, или профессора Сарториуса, большую часть романа прячущегося со своими гостями. Можно предположить, что данные способности имеют в большой степени профессиональный характер грамотно подготовленного психолога, специалиста, готового самому быть инструментом в исследуемых процессах, с периодическим возвращением к откалиброванному рабочему состоянию.

В дополнение к обозначенному отметим возможную эвристичность при движении в исследовании событий на орбите Соляриса встречным курсом – не от личностной структуры Криса Кельвина, а от типа социальных отношений, определяемых когнитивной метафорой ведущей мифологической фигуры в триаде Эдип-Нарцисс-Прометей. Дискурс, описывающий движение от Эдипа к Нарциссу, начат Ж. Керсолой и Ж. Бодрийяром (Бодрийяр 2000), а в России продолжен, например, в беседах Т. Горичевой, Д. Орлова и А. Секацкого (Горичева, Орлов, Секацкий 2001) и в работах Ю. Разинова (Разинов 2019).

Эдипальная структура обозначена как вертикальная, выстроенная в отцовской иерархии, имеющая глубину. Эдип обозначен как фигура вины. И мы уверенно находим такой тип отношений в длительных мучительных взаимодействиях Кельвина и Хэри. Крис вынужден зачерпнуть всю глубину трагедии, разыгрывающейся с его возлюбленной, и даже пойти дальше – стать свидетелем ее самоубийства (эпизод с выпитым жидким кислородом) и воскрешения.

Нарциссическая позиция, тип отношений представлен в большей степени в действиях коллег Кельвина, прячущих своих гостей от посторонних глаз. Стыд, сокрытие своего несовершенства от других, тревога о том, что подумают – вот проявления Нарцисса. И если Эдип – это глубина, то Нарцисс – это поверхность, скольжение по поверхности.

«– Я боюсь, ответила Хэри, бледнея. – Я не могу тебе сказать, чего я боюсь, даже не боюсь, а просто растворяюсь. В последний момент я чувствую такой стыд... Как тебе объяснить... А потом уже ничего, пустота. Поэтому я думала, что я больна... – Хэри вздрогнула», – вот одно из точных описаний этого типа отношений на межличностном уровне (Лем 1992).

Другим примером самосознания человека Нарцисса является знаменитый монолог Снауга, где есть такие слова: «Мы не ищем никого, кроме человека. Нам не нужны другие миры. Нам нужно наше отражение. Мы не знаем, что делать с другими мирами. Мы хотим найти свой собственный идеализированный образ» (Лем 1992). Нарцисс никак не может увидеть референтного Другого, поэтому долго и пристально, до изнеможения вглядывается в свое отражение.

В добавление к этим двум уже достаточно хорошо описанным типам, попробуем добавить третий. О нем вскользь упоминает А. Секацкий в уже упомянутых беседах с коллегами. Он отмечает, что до Эдипа был Прометей, олицетворявший героическую идею вызова богам. И такой тип отношений мы тоже обнаруживаем в тех местах, где исследователи, а в большей степени Кельвин, напрямую обращаются к мыслящему Океану. Например, в эпизоде, где энцефалограмма Кельвина, наложенная на пучок лучей, отправляется Океану. Или в конце, там, где Кельвин спускается к самому Океану, уже без опасений и конфронтации. Как к равному? Опять же не случайно, можно полагать, что именно в прометеевой парадигме Кельвин рассуждает о Боге-неудачнике. Несовершенном и слабом. Отдельно стоит отметить, что на орбиту Соляриса Криса Кельвина доставил космический корабль, носящий именно это имя – Прометей.

Резюмируя изложенное, сделаем акцент на гибкости Кельвина – как человеческой, так и профессиональной. Способность функционировать и перемещаться как на орбитах личностной организации, так и в разных фундаментальных типах отношений позволила ему эффективно выполнить свою исследовательскую работу и принять решение остаться на своем рабочем месте, в миссии и дальше. С готовностью к неизвестному.

Роман так и заканчивается в рефлексивных размышлениях Криса Кельвина: «Я твердо верил в то, что не прошло время ужасных чудес» (Лем 1992).

Библиографический список

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр; [Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина]. - М.: Добросвет, 2000. - 389 с.

Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. От Эдипа к Нарциссу. Беседы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 224 с.

Кернберг О. Ф. Тяжелые личностные расстройства : Стратегии психотерапии / Отто Ф. Кернберг; Пер. с англ. М.И. Завалова под ред М.Н. Тимофеевой. - М.: Класс, 2000. - 459 с.

Лем С. Собрание сочинений: [Перевод] / Станислав Лем; [Отв. ред. А. Мирер]. Т. 2: Солярис: Роман; Возвращение со звезд: Роман / [Пер. Г. А. Гудимовой, В. М. Перельман; Худож. Л. Денисенко, В. Черниевский]. - М.: Текст: Ред.-изд. фирма "РИФ", 1992. - 396 с.

Разинов Ю.А. От Эдипа к Нарциссу: по краям общества потребления / Ю.А. Разинов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2019. – № 1(25). – С. 3-14. – EDN TNHAAB.